

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ 2.0

ОЛЕГ ДИВОВ
РОМАН ЗЛОТНИКОВ
ЭДУАРД ГЕВОРКЯН
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
И ДРУГИЕ

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ

2.0

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р76

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Составители сборника *Д. Володихин, С. Чекмаев*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Р76 **Российская империя 2.0** : [сборник] / сост. Д. Володихин, С. Чекмаев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-90911-7

В России середины XXI века восстановлена монархия, но не путем какого-то революционного переворота, а через постепенное развитие политической системы и волеизъявления народа на Земском соборе. Империя представляет собой оплот традиционных ценностей, русской культуры и веры.

Вместе с тем Российская империя 2.0 — место ускоренного развития науки и техники, в которые вкладывает большие средства государство. У державы — мощная собственная промышленность, развитые информационные технологии, обновленные наукоградь, подводные города на шельфе русской Арктики, колонии на Марсе. Мощные вооруженные силы берегут Российскую империю от вторжения извне. А такое вторжение неизбежно...

Олег Дивов, Роман Злотников, Эдуард Геворкян, Даля Трускиновская и другие лучшие писатели-фантасты России создали образ лучшего будущего для нашей страны, мир, в котором хотелось бы жить...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Беспалова Т., Володихин Д., Геворкян Э., Громов А., Дивов О., Духина Н., Елисеев Г., Елисеева О., Злотников Р., Прососов И., Сизарев С., Трускиновская Д., Чекмаев С., Шагохина О., 2016

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90911-7

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Толицейский броневик первой обнаружила Мари-Линн. Сигне в этот момент занималась с девочками рисованием, поэтому времени выглядывать из окон у нее совершенно не было. Ну а Мари-Линн, как обычно, вместо того, чтобы заниматься, лентяйничала и крутила головой. Поэтому и заметила броневик.

— Фрекен Лингстад, — закричала маленькая лентяйка, — фрекен Лингстад, посмотрите, к нам солдаты приехали!

Сигне на мгновение замерла, почувствовав, как в сердце кольнуло страхом, а затем вскочила и подбежала к окну. После нескольких секунд разглядывания она облегченно выдохнула. Броневик оказался полицейским и... слава богу, шведским.

— Это не солдаты, а полиция, — поправила она Мари-Линн, а затем повернулась к остальным и, дежурно улыбнувшись, преувеличенно воодушевленно произнесла:

— Все, на этом закругляемся. Вы все молодцы, девочки! Вы такие невероятно талантливые... сдавайте рисунки, быстрее, быстрее. — По плану, занятие рисованием должно было закончиться только минут через пятнадцать, но Сигне решила закончить занятие и побежать предупредить мистрес Ульсен. Потому что этот броневик появился явно неспроста...

Мистрес Ульсен в кабинете не обнаружилось. Эта толстая корова Фрида, изображающая из себя то ли

пресс-секретаря приюта, то ли просто секретаря, но уже директора, на вопрос Сигне окинула ее равнодушным взглядом и пожала плечами.

— Не знаю. Умчалась куда-то, — после чего откинулась на спинку офисного кресла и демонстративно надула шарик жвачки. Сигне возмущенно фыркнула и, резко развернувшись, выскочила за дверь. Пользуется, гадина, тем, что мистрес Ульсен неровно дышит к крупным формам. Вот и чувствует себя безнаказанно. И ведь не скажешь ничего... Нет, Сигне отнюдь не была дремучей ретроградкой или, там, религиозной экстремисткой и с уважением относилась ко всей радуге норм сексуального поведения. Все люди разные, и только идиоту может прийти в голову дискриминировать кого-то из людей на основании устаревших поведенческих моделей или замшелых религиозных норм. Сигне и сама не имела ничего против отношений с лицом своего пола. Тем более, что уже три месяца как без парня... Но связь с руководством ни в коем случае не должна быть индульгенцией. А тут дело обстояло именно так. Фрида была... никакой. Ну совсем. Она даже правильно улыбаться детям не умела. Хотя в их приюте правилами внутреннего распорядка было строго предписано заходить в помещения, в которых в данный момент находятся дети, с «доброй и ласковой улыбкой». Так вот, эта снулая белобрысая корова вместо улыбки изображала на своем жирном лице что-то среднее между гримасой и оскалом, и с такой рожей быстро пробежала мимо, торопясь умастить свою жопу в офисное кресло в приемной директора, в котором и проводила большую часть времени. Причем, основным занятием там у нее было пялиться в телефон... Но попробуй только что-то выскажи. Тут же обвинят в сексизме, расизме и дискриминации национальных меньшинств. Хотя какие они теперь меньшинства? Современный цивилизованный

человек априори бисексуален... даже если громогласно утверждает обратное. Более того, биологи доказали, что все, кто громче всех возмущается насчет однополый любви, на самом деле — латентные гомо. Ну, так было написано в той толстой книжке по психологии знаменитого автора... как же его там звали-то... ай, неважно! Поэтому Сигне молча развернулась и, скривившись, выскочила из приемной.

Мистрес Ульсен обнаружилась на втором этаже, в рекреации. Она стояла у окна и, глядя на улицу, что-то сердито вещала по телефону. Судя по увиденному, директор приюта пребывала в крайне раздраженном состоянии, вследствие чего Сигне даже слегка замедлила шаг. Попадаться мистрес Ульсен под горячую руку не рекомендовалось никому. Чревато, знаете ли... Но в следующее мгновение давать задний ход стало поздно. Директор закончила разговор и, сердито нажав на виртуальную кнопку отбоя, развернулась к девушке.

— Вы что-то хотели, фрекен Лингстад?

Сигне едва сдержала дрожь. Умеет же мистрес Ульсен нагнать жути, при этом ни на йоту не повысив голос и сохраняя на губах все ту же стандартную приютскую улыбку. Которую, однако, в такие моменты никто бы не решился назвать «доброй и ласковой». Эх, и почему у нее грудь едва дотягивает до второго размера, была бы, как у этой коровы Фриды, четверкой...

— Воспитанница Маттсон заметила на перекрестке полицейский броневик, — несколько скованно начала Сигне, — и я подумала, я должна вам немедленно...

— Благодарю вас, фрекен Лингстад... — Сигне показало, или голос директора на этот раз действительно прозвучал несколько теплее. Если так — хорошо. Рвение Сигне замечено и оценено.

— ...и прошу вас успокоиться. Все эти предположения, высказываемые прессой, по поводу возможных

★ — действий этих варваров — не более чем глупые измышления. Попытки нагнать страха в целях повышения рейтинга. Обыватель любит, когда его пугают. Ничего из того, о чем так громогласно пишется, — не будет. Уверяю вас. Ситуация полностью под контролем. — Она запнулась, поколебалась пару мгновений, а потом гордо вскинула подбородок и твердо заявила: — Они не посмеют! — После чего повернулась и, горделиво выпрямившись, двинулась по коридору в сторону столовой. Сигне проводила ее взглядом и тихонько вздохнула. Может, оно, конечно, и так... но этот полицейский бронетранспортер отчего-то появился на ближайшем перекрестке...

Однако больше до вечера никаких необычных поводов для волнений не появлялось. Все было тихо, спокойно и по распорядку. Однако перед самым ужином Сигне и еще двух девушек — Бригитту и Анну-Марию вызвала мистресс Ульсен и попросила немного задержаться. До того момента, как дети заснут. Слухи о том, что поблизости от приюта появился полицейский броневик, распространились среди детей и привели их в несколько возбужденное состояние. И директор решила, что расширенное присутствие персонала поможет купировать это возбуждение. Тем более что от девушек ничего особенного не требовалось — поиграть с детьми, почитать сказку, проконтролировать вечерний туалет и самых маленьких... короче, все как обычно и ничего более. Просто в обычном режиме этим занималась только одна дежурная, а теперь их будет три. Ну и сама мистресс Ульсен, похоже, также не собирается сегодня уходить...

Выйдя из кабинета директора, Сигне перекинулась с девушками тревожными взглядами и торопливо побежала к окну. Броневик был на месте. Более ничего в начинавшихся вечерних сумерках девушке рассмо-

треть не удалось, однако даже самого факта того, что он не уехал по окончании рабочего дня, оказалось достаточно, чтобы встревожить ее еще сильнее.

Сигне оглянулась. Коридор опустел. Она тихонько вздохнула, бросила испытующий взгляд на дверь приемной директора, после чего развернулась и двинулась в сторону лестницы. Дети сейчас находились в столовой, две оставшиеся девушки, судя по их отсутствию, также отправились туда, так что ей ничто не мешало сделать то, что она собиралась. Тем более в этом не было ничего предосудительного. Ну вроде как...

Холл первого этажа был пуст. Сигне быстро пробежала через холл и, толкнув двустворчатые двери, вошла в коридорчик, в котором располагалось особенное помещение, именуемое «комнатой психологической коррекции». Эта комната очень сильно отличалась от остальных помещений приюта. Во-первых, дверь у нее была на металлическом каркасе и с маленьким окошком, забранным прочным поликарбонатом вместо стекла. Во-вторых, окно в комнате не имело ни подоконника, ни ручки. В-третьих, пол и стены комнаты были обиты толстым слоем поролона, покрытого сверху специальным покрытием, исключающим нанесение травмы. Мебели в комнате тоже не было... Вернее, не совсем так. У длинной стены комнаты, на полу, лежал толстый матрас, а, скорее даже, лежак. Уж больно он был толстый и тяжелый. Например, Сигне его было ни за что не поднять. Но больше ничего из мебели в комнате не было. Зато в потолок были встроены хорошие динамики, по которым шла трансляция легкой, успокаивающей и расслабляющей музыки.

Подойдя к двери с окошком, девушка на мгновение заколебалась, но затем все-таки вытянула шею и осторожно заглянула внутрь комнаты. Он был там. Сидел на лежаке в своей синенькой пижамке, в которой его

доставили прямо из дома, крепко обхватив здоровенного плюшевого медвежонка, и смотрел в окно. Она несколько мгновений смотрела на него, а потом тихонько вздохнула и... вздрогнула. От того, что сзади негромко спросили:

— Как он?

Сигне резко развернулась. Это оказалась Бригитта. Она подошла так тихо, что девушка даже не услышала.

— Все так же. Сидит. Смотрит на стену.

Бригитта осторожно заглянула в окошко и вздохнула. А потом бросила на Сигне испытующий взгляд и, мгновение поколебавшись, бросила:

— Зря это сделали.

— Что зря? — не сразу поняла Сигне.

— Зря его забрали из семьи. Никому от этого не будет лучше. Ни мальчику, ни-и-и... — она на мгновение загнулась, а затем упрямо вскинула голову и твердо закончила: — Ни нам.

— Как ты можешь такое говорить! — вскинулась Сигне. — Ты же знаешь, мальчика забрали не просто так. Эта сумасшедшая русская мамаша его била. Ты же сама видела синяки у мальчика на руках.

— Она говорит, что он упал и ударился, играл на улице.

— Она врет! — сердито выкрикнула Сигне, но затем со всей горячей девичьей непоследовательностью продолжила: — Да даже если и нет — родители обязаны следить за детьми и принимать меры к тому, чтобы дети не получали травмы.

— А ты в детстве никогда коленки не царапала? И нос ни разу не разбивала? — огрызнулась Бригитта. Потом покосилась на Сигне и вздохнула: — Извини. Я не должна была так говорить. Просто... просто я уже сталкивалась с русскими. Они... они фанатики семьи. Они точно этого так не оставят.

— Ха, да что они могут сделать? — легкомысленно взмахнула рукой Сигне.

— Многое, — угрюмо произнесла Бригитта.

— В смысле?

— Просто... я прошлым летом была в России. Не на экскурсии, нет. Ездилa к друзьям. Которые там живут. И уже довольно долго¹.

— Русским? — испуганно, но и слегка восторженно округлив глаза, уточнила Сигне.

— Нет, шведам. Они живут там уже лет десять. В деревне. В русской глубинке.

— Ух ты... их не того, не убили пьяные русские мужики?

— Нет, — усмехнулась Бригитта. А потом посерьезнела и твердо произнесла: — Более того. Они там счастливы. Я прожила там целое лето. Купалась. Ходила за грибами. Ловила рыбу, но не на спиннинг, а на обычную деревянную удочку. Играла с деревенскими детьми. И знаешь, что поняла?

— Что?

— Что я бы хотела там жить.

— Где?! — изумилась Сигне. — В этой варварской стране? Да ты знаешь, что там в семьях бьют детей! Что мужчины и женщины — пьют! Они сами этого не скрывают. Почитай газеты, посмотри статистику!

— Статистику? — Бригитта саркастически усмехнулась. — О да! Статистика — великая вещь. Вот только... ты знаешь, сколько русских выступили донорами своих собственных детей, пойдя на удаление собственной почки, части печени или еще какого-нибудь органа?

¹ Впечатления о России и семейных ценностях ее жителей от иностранцев, переехавших в нашу страну: <http://www.hram-evenkya.ru/novosti/inostrantsyi-o-rossii-eto-sovershenno-bezumnyaya-strana-no-mne-tut-nravitsya-i-moemu-malchiku-tozhe>. И, кстати, идея этого рассказа у меня возникла именно после того, как я прочитал этот материал.

Нет? А вот я тебе скажу — в прошлом году таких было семнадцать человек. А у нас? Не знаешь? Так я тебе скажу — ноль!

— Но... — слегка растерялась Сигне, — это же не показатель. В конце концов, есть очередь на трансплантацию, есть возможность заказать орган...

— Чтобы его вырезали из какого-нибудь серба, индийца или индонезийца и нелегально привезли тебе? Очень достойный поступок. Я... — но закончить фразу Бригитта не успела. Потому что в этот момент кто-то позвонил во входную дверь. Девушки синхронно развернулись и испуганно уставились на двустворчатые двери, отделяющие небольшой коридорчик, в котором располагалась «комната психологической коррекции», от холла у входной двери. Неужели началось?..

Когда они, выждав где-то полминуты, все-таки набрались духу и вышли в холл, дверь, ведущая на лестницу, распахнулась и оттуда показалась мистресс Ульсен. Окинув обеих раздраженным взглядом, она гордо прошествовала к двери и решительным жестом распахнула ее. Сигне и Бригитта, стараясь не отвечивать, шустро скользнули в сторону и притулились у бокового окна. На улице уже было довольно темно, но Сигне показалось, что ситуация на перекрестке изменилась. Как именно — было не особенно видно, но броневик отчего-то стоял с распахнутыми настежь дверьми и люками, а чуть в стороне от него девушка смутно различила несколько фигур, лежащих на земле и вроде как сложенных на затылке руками. Сразу за ними были смутно видны силуэты еще трех или четырех фигур, но уже стоящих. А чуть дальше, почти теряясь на фоне лесной опушки, возвышались какие-то странные аппараты с задранными кверху винтами. Но в следующее мгновение ей стало уже не до разглядывания происходящего на улице.

— Гукв'Эль!¹ — Мужчина, обнаружившийся на пороге, был одет в классический мужской тренкот, из-под которого виднелись столь же классические брюки... и потому выглядел очень странно. Во всяком случае, Сигне при взгляде на него чувствовала какой-то диссонанс. В Векше, на окраине которого находился приют, никто из мужчин так не одевался. В любом случае, вечером. После работы. Джинсы, слаксы, шорты, чиносы, свободные блузы, вязанные кофты, поло либо нечто подобное, совершенно не классических оттенков и цвета, а часто и вообще кричащее, кислотное, «подчеркивающее индивидуальность» — этого было сколько угодно, но классика... эта одежда считалась «офисным костюмом», и любой клерк сразу же по окончании рабочего дня с радостью «сдирал» с себя «эти вериги», чтобы одеться «нормально». Ну так рассказывали девушке те представители мужского пола, с которыми ей доводилось говорить на эту тему... Этот же мужчина, похоже, чувствовал себя в этой столь несовременной и, по мнению знакомых Сигне, не очень-то удобной одежде вполне естественно. И вообще, он весь был какой-то не такой, не как те парни из их компании — спокойный, уверенный в себе и... сильный. Это чувствовалось сразу.

— Хэй², — холодно отозвалась директор приюта. — Кто вы, и что вам здесь надо?

— Меня зовут Павел. — Мужчина отвесил легкий поклон, вежливо улыбнулся и спокойно закончил: — Я пришел за мальчиком.

Сигне нервно сглотнула и, вытянув шею, попыталась рассмотреть, один ли мужчина появился на пороге приюта или там есть кто-то еще. Но из-за того, что фигура

¹ «Godkväll!» — «Добрый вечер» по-шведски.

² «Hej!» — Привет. Здравствуйте.

★ — мужчины занимала почти весь дверной проем, ничего разглядеть не получилось.

— Вы его не получите! — Сигне показалось, что от голоса мистрес Ульсен дверной косяк покрылся инеем. Даже она, стоящая в стороне и явно не являющаяся объектом, на который было направлено раздражение директора приюта, и то ощутила, как у нее похолодели ноги. Но мужчина никак внешне не отреагировал на мистрес Ульсен. Наоборот, он снова улыбнулся и, отрицательно качнув головой, произнес:

— Я так не думаю, — несколько мгновений мужчина и директор приюта молча стояли друг против друга, меряясь взглядами, а затем директор приюта возмущенно фыркнула и раздраженно заговорила:

— Послушайте, у нас специализированный приют. К нам попадают дети с тяжелыми психологическими травмами, которые еще и усугубляются тем, что чаще всего были нанесены им собственными родителями, и я никому не позволю...

— Не надо так много слов, — прервал ее мужчина, — просто отдайте мне нашего мальчика. И я уйду.

— Вы уйдете немедленно! — В этом выкрике директора приюта явственно слышались истерические ноты. После чего она решительно захлопнула дверь... вернее попыталась. Мужчина просто вскинул руку и остановил дверь ладонью.

— Как вы смеете?! — взвилась мистрес Ульсен и буквально навалилась на дверь всем своим телом. Сигне прынула к ней на помощь, но, наткнувшись на взгляд мужчины, испуганно замерла. А он снова улыбнулся и... аккуратно отодвинул дверь, вместе с навалившейся на нее директором приюта. После чего вошел внутрь.

— Вы... вы... вы хам! Варвар! Сексист! Дикарь! Преступник! Как вы посмели ворваться к детям?! Я немед-

ленно вызову полицию! — задыхаясь от злости, орала мистрес Ульсен. Но... этот варвар и дикарь, силой ворвавшийся в беззащитный детский приют, в котором находились только женщины и дети, развернулся к Сигне и, совершенно не обращая внимания на директора, негромко спросил у девушки:

— Где мальчик?

Сигне испуганно вздрогнула и скосила глаза на двустворчатые двери, за которыми начинался коридор к «комнате психологической коррекции». Мужчина проследил за ее взглядом и коротко бросил:

— Веди...

Мальчик все так же сидел на кровати, прижав к себе медведя. Мужчина несколько мгновений рассматривал его через окошко двери, а затем резко развернулся к Сигне.

— Это что? — тихо спросил он. Тихо... но по свистящим обертонам в его голосе девушка поняла, что он просто в бешенстве. — Это как?! У нас в такие комнаты помещают буйнопомешанных, а вы ребенка... С-су... — Он осекся и, стиснув кулак, с размаху саданул по двери. Сигне испуганно вскрикнула. Удар был так силен, что дверь просто вышибло из усиленного косяка, и она повисла на одной петле. Он что, совсем с ума сошел? Ребенок же испугается! Но мужчина уже шагнул внутрь.

— Здравствуй, Максим, — произнес он уже вполне спокойным голосом, как видно, сумев все-таки взять себя в руки. — Я пришел за тобой.

Мальчик, действительно испугавшийся грохота выбитой двери и потому съезжившийся, несколько мгновений молча смотрел на мужчину, а потом как-то... облегченно выпрямился, сполз с лежака и, подойдя вплотную, поднял голову и спросил:

— А вы... от императора?